

батывали концепцию армии как части государственной структуры — все это не могло не привлекать к ним теоретиков и практиков военно-исторической и военно-научной мысли. Журнал «Русская мысль» (София, 1921—1927 гг.), редактируемый Петром Струве, также разделял позицию и программу евразийства.

К евразийской программе примыкал и ряд националистских эмигрантских партий, которых привлекали национальные элементы концепции евразийства, особенно один из главных тезисов евразийской программы, заявленный ими в первом же программном сборнике, — «Исход к Востоку». Помимо общей культурологической «восточной» ориентации евразийство неоднократно демонстрировало свой пристальный историософский интерес к тем или иным народам России, в частности, к осетинским и монгольским элементам в русской культуре. Осетия рассматривалась ими как прямая наследница сарматских племен. «Скифство» же было исходным моментом евразийской концепции (доклады князя М. Шаховского «О скифском элементе в русской культуре» или Е. Н. Клетновой «Скифско-сарматские элементы в восточном православии», прочитанные на пражском евразийском семинаре).

Восточная же волна, идущая из Монголии, была, по мнению евразийцев, важным моментом становления русской государственности. В частности, так называемая «туранская теория» Трубецкого развивала следующую историософскую концепцию Московского государства: не Киевская Русь, занимавшая ¹/₂₀ современной территории, а именно империя Чингис-хана, территориально соответствующая Российской империи, была предшественницей Московского государства. Киевская идея представлялась Трубецкому провинциальной. Идею же всемирного царства, грандиозную идею единства, могущества и суверенитета России, выразившуюся в ведущей идеологии Московского государства — «Мы есть третий Рим», идею России как всемирной империи, «священного царства» Московское государство заимствует у татар [48]. Помимо историософии был культурологический интерес (критика цивилизации и «руссоистские тенденции природного ее обновления, выразившиеся в концепции степи) и интерес исторический. Так, многие черты быта, в частности, казачество как особое воинское сословие, пришли с Востока, приемы казачьей атаки — от монгольской конницы.

Не удивительно, что такие издания, как «Горцы Кавказа» (орган народной партии кавказских горцев под ред. Э. Бековича-Черкасского — Варшава, 1929); «Независимый Кавказ» (орган кавказской конфедералистской мысли — Париж, 1929); «Ковыльные волны» (орган калмыцкой национальной организации Хальмак Тенгерин Тук — Прага, 1930); «Осетия» (орган комитета осетиноведения при Европейском центре музея Н. Рериха — Париж, 1933); журнал «Австралия» (Сидней, 1933); «Вольная мысль» (Буэнос-Айрес, 1932) и др. были близки евразийской программе.

Однако следует сказать, что и здесь, в национальных кругах, отношение к евразийству не было однозначным. Иные представители эмиграции из числа нерусских народов видели в тезисе объединенной Евразии лишь новую форму русского великодержавия. Несмотря на всю критику великодержавного шовинизма, развернутую на страницах евразийских изданий, призывающую пересмотреть геополитическое положение русского народа и народов национальных окраин, идеологами евразийства само собой подразумевалось, что роль гегемона в евразийской федерации возьмет на себя русский народ. Евразийцы отрицательно относились к явлениям сепаратизма отдельных народов бывшей царской империи. В крайне националистических кругах это вызывало раздражение (например, парижская газета «Мусульманин»).

С национальной идеей евразийства как идеей «имперской» особенно полемизировал В. С. Станкевич. Евразийцы считали, что большевизм спас распадающуюся империю и восстановил территориальную целостность России. Станкевич считал это «собрание вновь» искусственным и в своей книге «Судьбы народов России» на большом статистическом материале жизни народов Прибалтики,